БОРХЕС (Borges) Хорхе Луис (1899—1986) — аргентинский мыслитель и писатель. Классик жанра эссеновелл. Президент Аргентинского общества писателей (1950). Директор Национальной библиотеки Аргентины (1955).

Удостоен литературной премии Форментор (1961). Основные сочинения: сборники "Страсть к Буэнос-Айресу" (1923), "Луна напротив" (1925), "Расследования" (1925), "Пространство надежды" (1926), "Язык аргентинцев" (1928), "Обсуждение" (1932), "Всемирная история низости" (1935), "История вечности" (1936), "Замурованные тексты" (1936—1940), "Сад расходящихся тропок" (1942), "Вымышленные истории" (1944), "Алеф" (1949), "Новые расследования" (1952), "Создатель" (1960), "Иной и прежний" (1964), "Хвала тьме" (1969), "Сообщение Броуди" (1970), "Золото тигров" (1972), "Предисловия" (1975), "Книга песка" (1975), "Сокровенная роза" (1975), "Железная монета" (1976), "Думая вслух" (1979), "Тайнопись" (1981), "Девять очерков о Данте" (1982), "Семь вечеров" (1982), "25 августа 1983 года" (1983), "Порука" (1985); "Антология фантастической литературы" (совместно с А.Бьой Касаресом и С.Окампо, 1943), "Антология германских литератур" (совместно с Д.Инхеньерос, 1951), "Введение в английскую литературу" (совместно с М.Э

.Васкес, 1965), "Книга о воображаемых существах" (совместно с М.Герреро, 1967), "Руководство по фантастической зоологии" (совместно с М.Герреро, 1967), "Введение в литературу США" (совместно с Э.Самбараин де Торрес, 1967), "История ночи" (1977), "Что такое буддизм" (совместно с А

.Хурадо, 1977), "Краткая антология англосаксонской литературы" (совместно с М.Кодама, 1978) и др. Главными темами творчества Б., локализуемого им самим в интервале между смысловыми полюсами-циклами "мифологии окраин" и "игр со временем и пространством", выступили: универсальное, неизбывное, вневременное состояние творческого томления человеческого духа; интеллектуальный героизм разума, готового в погоне за ответами на загадки бытия преступить черту жизни и смерти; пафос и значимость религиозно-философских исканий и борений в истории людей; литературно-просветительский потенциал философских и теологических систем; эстетическая общность и ценность самых разнообразных, порой даже взаимоисключающих, этических учений.

История культуры, разворачивающаяся в гиперпространстве всемирной Библиотеки ("бесконечной книги"), где издревле обитают философские гипотезы, художественные образы и метафоры, символы веры и мудрости многих веков, — должна, по мнению Б., восприниматься, оцениваться и переживаться столь же осязаемо и реально, сколь и мир, населенный вещами и людьми. Вселенная (она же Дворец и Сад) для Б. — метафора Книги (она же Библиотека или Слово). Согласно Б., критик, переводчик, читатель — соучастники процедур литературного процесса наряду с писателями. Ипостаси, в которых мы постигаем дискурсы любых текстов, с точки зрения Б., задаются нашим сотворчеством, ибо смыслы и интерпретации, рождающиеся в нас и для нас при чтении, отнюдь не идентичны неизбежно потаенным мыслям их авторов. "...Каждый писатель, — утверждал Б., — создает своих предшественников. Написанное им преображает наше понимание прошлого, как преображает и будущее".

Судьба любого художественного или философского произведения имманентна ему самому: всякий текст (декодируясь вновь и вновь в ходе странствий в "возможных мирах" индивидуальных и коллективных восприятий, представлений и реконструкций) способен обретать самые неожиданные и ранее неочевидные содержания и ассоциации. Повторение их — невозможно, поскольку читатель всегда замкнут в "саду расходящихся тропок", в лабиринте перманентно умножающихся призрачных пространств и времен.

Автор у Б. не знает, что пишет — "то, что человек пишет, должно выходить за рамки его намерений... именно в этом таинственность литературы... ". Б. был убежден в том, что "если чувствуешь, что задачи литературы таинственны, что они зависят от тебя, что ты по временам записываешь за Святым Духом, ты можешь надеяться на многое такое, что не зависит от тебя. Ты просто пытаешься выполнять приказы — приказы, произнесенные Кем-то и Чем-то". Чтение, по Б., всякий раз являет собой уникальный сдвиг смысла по оси удерживаемого в сознании когда-то пройденного пути, погружение же в текст изоморфно наблюдаемому перемещению фокуса семантического просвета — гераклитовское "все течет" ощутимо в полном объеме лишь в момент личностно артикулированной подмены самого Гераклита Тобой, а также любым Другим, занявшим его место. Этот духовный феномен, обозначенный Б. как центральная тема "философии эха в культуре", занимает, по его мнению, особое место в совокупности механизмов социокультурной трансляции. "Эхо" реализуется, по Б., переложениями, адаптациями, переводами, новыми трактовками — всем спектром возможных процедур оперирования с текстами, которые и обеспечивают динамику, выживаемость и преемственность самых разноудаленных и непохожих эпох, культур и цивилизаций. (С точки зрения Б., "все мы — граждане Рима, а еще раньше — Греции".) Тем более, что, согласно Б., четыре "вечных" темы всегда будут оплодотворять благородные стремления людей к постижению истины и самих себя:

Поиск, Падение Города как Мира, Возвращение Героя и Самопожертвование Бога. Философия у Б. — не более и не менее чем "смысловое небо" — версия универсального метаязыка как метафоры мироустройства, аналогичная единому и бесконечному макрокосмосу математики 20 в., ориентированной на поиск универсального в единичном.

Человекосоразмерность, трактовку человека как своеобычной эмблемы, "меты" нашей Вселенной позволительно полагать принципиально значимыми для Б. индикаторами эвристичности философских учений. Идеи и мысли Платона и Спинозы, Шопенгауэра и Зенона Элейского, Беркли и Лейбница — мыслителей, эксплицировавших параметры мироздания человеческими качествами и горизонтами, — выступали излюбленными темами эссе и новелл Б. Идея Времени в контексте опровержения его абсолютности, идея Бога как самого смелого фантастического предположения в истории людей, идея бренности человеческого существования — сплелись в творчестве Б. как проблема ипостасей иллюзии

Вечности, всегда присущей человеку и выступающей в обликах рока, судьбы, личного предназначения, тождества с собой либо с собственным прошлым и, наконец, смерти. Б., по утверждению французского философа Ж.Валя, стремился предложить людям "нечто большее, чем науку, — непрестанное вопрошание самых глубин неведения", облекая его в форму "снов о других мыслях или снах" и четко осознавая, что "всякая мелочь дает начало бесконечной цепи размышлений". С точки зрения Б., "число сюжетов и метафор, порожденных человеческим воображением, ограничено, но эти вымышленные истории могут стать всем для всех, как Апостол". Только осуществившись в качестве "всего для всех", по Б., пророк обретает надежду и шанс стать самим собой. Б. персонифицирует особый жанр в словесности 20 в.: предощущая неизбежный выход художественно ангажированного "серьезного" интеллектуализма из рамок классического реализма, он модернизировал формальный строй последнего, придав ему измерение уникальной беллетризированной эрудиции. Некоторые критики (например, постмодернистка К.Брук-Роуз) усмотрели в этом литературном феномене стремление "элитарного изгоя" — Б. — использовать "технику реалистического романа, чтобы доказать, что она уже не может больше применяться для прежних целей". Данная характеристика контекстно сопряжена с естественным признанием того, что Б. не может быть отнесен к какому-либо, пусть даже самому изысканному и респектабельному творческому направлению. Итогом его литературной деятельности явилась уникальная для всемирной истории совокупность авторских текстов, репрезентирующих собой в конечном счете всю мировую культуру в миниатюре. (Не случайно прообразом гениального слепого старца-энциклопедиста Хорхе в романе "Имя розы" Эко избрал именно Б.) (См. также Лабиринт.)

А.А. Грицанов